

с.

20. Мелков Ю. А. Факт в постнеклассической науке / Ю.А. Мелков. - К.: Издатель ПАРАПАН, 2004. - 224 с.
21. Науковий світогляд на зламі століть: Монографія / [Лук'янець В., Кравченко О., Озадовська Л. та ін.] – К.: Вид. ПАРАПАН, 2006. – 288 с.
22. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер; пер. с англ. Д. Г. Лахути — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.
23. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел; пер. с англ. – К.: Ника-Центр, 2001. – 560 с.
24. Світоглядні імплікації науки / [Лук'янець В., Кравченко О., Озадовська Л. Та ін.] – К.: Вид. ПАРАПАН, 2004. – 408 с.
25. Світоглядно-методологічні інновації в західноєвропейській філософії / [Йосипенко М., Кошарний С., Куплін В. та ін.]– К.: Український Центр духовної культури, 2001. – 296 с.
26. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.
27. Фреге Г. Логика и логическая семантика. / Г. Фреге - М.: Аспект Пресс. 2000. - 512 с.
28. Хайдеггер М. Избранное / Хайдеггер Мартин; пер. с нем. С. А. Бронштейна. – Мн.: «Современное слово», 1998. – 384 с.
29. Russell B. Principia Mathematica. 3 vols. / B. Russel, A.N. Whitehead; Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1910,1912,1913; 2nd e d., 1925 (Vol. 1), 1927 (Vols 2, 3); Abridged as Principia Mathematica to *56. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1962 (2nd ed., 1997).

Конох Николай Семенович – заведующий кафедрой философии и права Днепропетровского технического университета, доктор философских наук, профессор
Кравцов Юрий Сергеевич – докторант кафедры философии и права Днепропетровского технического университета, кандидат философских наук, доцент

УДК - 37.01:130.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Авторы анализируют коммуникативные основания изменения парадигмы правового образования - от педагогической "машины" как средства педагогического воздействия к пониманию образования как сферы стратегического развития. Авторы активно используют идеи социологической феноменологии, с точки зрения сторонников которой социальную реальность образуют не вещи или события материального мира, а смысл, вкладываемый в эти предметы и события. С философской позиции раскрываются онтологические и гносеологические факторы появления нового исторического типа общества, в нашем случае - информационного. По мнению авторов, состояние постсовременного общества определяется прежде всего культурой. Именно культура интериоризует в масштабах социума внешние воздействия, в том числе и экономические, в жизненный мир человека. Именно культура выступает механизмом, опосредствующим внешние воздействия общества на право. Авторы рассматривают сложные случаи, связанные с творческой активностью человека, когда правовое поведение (в данном случае имеющее социальное значение) и ее последствия «не вписываются» в существующую нормативно - институциональную систему. Этот инновационный процесс представляется наиболее важным и интересным, потому что он показывает не механическое воспроизведение права, а его изменение, когда формируются новые нормы. Авторы считают, что относительно юриспруденции позиция постмодернизма может быть обозначена как радикальный релятивизм. Согласно данной точке зрения концепция права не может быть признана обоснованной, поскольку ни одно описание права не является адекватным. Язык, употребляемый в науке, является предметом, предметы реальности, в свою очередь, приобретают языковую природу. По сути, такой подход - это разновидность «лингвистического переворота» в науковедении. Достаточно активно эта идея используется в социологической феноменологии, с точки зрения сторонников которой социальную реальность образуют не вещи или события материального мира, а смысл, вкладываемый в эти предметы и события. Не претендуя на

окончательность решения поставленных задач, авторы уделили внимание диалогической онтологии права.

Ключевые слова: парадигма образования, стратегия развития, аутентичный способ описания, постмодернизм, диалогическая онтология права, правовое образование

СОЦІОКУЛЬТУРНІ ПІДСТАВИ ЗМІНИ ПАРАДИГМИ ПРАВОВОЇ ОСВІТИ

Автори аналізують комунікативні підстави зміни парадигми правової освіти - від педагогічної "машини" як засобу педагогічного впливу до розуміння освіти як сфери стратегічного розвитку. Автори активно використовують ідеї соціологічної феноменології, з точки зору прихильників якої соціальну реальність утворюють не речі або події матеріального світу, а зміст, вкладений у ці предмети й події. З філософської позиції розкриваються онтологічні та гносеологічні чинники появи нового історичного типу суспільства, в нашому випадку - інформаційного. На думку авторів, стан постсучасного суспільства визначається насамперед культурою. Саме культура інтеріоризує в масштабах соціуму зовнішні впливи, в тому числі й економічні, в життєвий світ людини. Саме культура виступає механізмом, що опосередковує зовнішні впливи суспільства на право. Автори розглядають складні випадки, пов'язані з творчою активністю людини, коли правова поведінка (в даному випадку має соціальне значення) та її наслідки «не вписуються» в існуючу нормативно - інституційну систему. Цей інноваційний процес представляється найбільш важливим і цікавим, тому що він показує не механічне відтворення права, а його зміну, коли формуються нові норми. Автори вважають, що відносно юриспруденції позиція постмодернізму може бути позначена як радикальний релятивізм. Відповідно до цієї точки зору концепція права не може бути визнана обґрунтованою, оскільки жоден опис права не є адекватним. Мова, що вживається в науці, є предметом, предмети реальності, в свою чергу, набувають мовної природи. По суті, такий підхід - це різновид «лінгвістичного перевороту» в наукознавстві. Досить активно ця ідея використовується в соціологічній феноменології, з точки зору прихильників якої соціальну реальність утворюють не речі або події матеріального світу, а зміст, вкладений у ці предмети та події. Не претендуючи на остаточність вирішення поставлених завдань, автори приділили увагу діалогічній онтології права.

Ключові слова: парадигма освіти, стратегія розвитку, аутентичний спосіб опису, постмодернізм, діалогічна онтологія права, правова освіта

SOCIO-CULTURAL FOUNDATION TO CHANGE THE PARADIGM OF LEGAL EDUCATION

The authors analyze the communicative paradigm shift grounds of legal education - from teaching "machines" as a means to understanding the impact of teacher education as a sphere of strategic development. The authors are actively using sociological ideas of phenomenology, in terms of supporters which do not form social reality things or events of the material world, and the meaning given to these objects and events. From a philosophical position disclosed ontological and epistemological factors emergence of a new historical type of society, in our case - the information. According to the authors, the state of postmodern society is primarily determined by culture. It is culture-wide society interiorizuet external influences, including economic life in the human world. That culture is a mechanism mediating the external influences of society on the right. The authors examine the complex cases that are associated with the creative activity of man, when the legal behavior (in this case having a social value) and its consequences "do not fit" in the existing regulations - the institutional system. This innovative process is the most important and interesting, because it shows no mechanical reproduction rights, and its change when the formation of new normy. Avtory believe that legal position with respect to post-modernism can be defined as radical relativism. According to this view the concept of law can not be justified, since no description of law is not adequate. Language used in science, is a subject of reality objects, in turn, become the language of nature. In fact, such an approach - a kind of "linguistic turn" in the science of science. Actively used this idea in the sociological phenomenology, in terms of supporters which do not form social reality things or events of the material world, and the meaning given to these subjects and sobytiya. Ne claiming finality solving tasks, the authors paid attention to the dialogical ontology right.

Keywords: the education paradigm, development strategy, authentic way of the description, postmodernism, dialogical ontology is right, legal Education

Постановка проблемы. На современном этапе обращение философии к феномену образования

актуализируется необходимостью конструктивного решения теоретических и практических задач, стоящих перед социумом. Начиная с середины XX века в социальной философии наблюдается факт обособления нового направления в духовном производстве социума - философии образования. На всем протяжении своего развития философская мысль настойчиво исследовала образование как особое социально-ценностное знание. И только сейчас философия занялась исследованием образования как особой сферы социальной реальности.

Отличие образования от сферы проектирования и проектных разработок заключается в том, что в образовании проект реализуется лишь для того, чтобы выявить методологические предпосылки мышления, осуществляющие его способы действия и коммуникации. Результатом его осуществления является своеобразный проект «образовательного общества» - «Пайдеополиса», включающий подразделения образовательной экономики, образовательной реформы армии, образовательной безопасности, образовательного регионально - государственного строительства, образовательной этнонациональной политики, образовательного права, образовательной персонологии и т. д. [11, с. 63].

Образование должно способствовать тому, чтобы человек был во всеоружии перед лицом требований общества. Образование по своей структуре задумано так, чтобы обеспечивать защиту человека, предоставляя в его распоряжение некий капитал, позволяющий найти ей свое место в современном мире, четко ориентируясь в ситуации. В этом заключается социокультурная функция образования, его социально - критический потенциал, позволяющий лицам критически относиться к явлениям современности [11, с. 66].

Анализ исследований и публикаций. Все философские универсалии ценностны по природе и аксиологическая составляющая их содержания всегда носит наиболее предельный, универсальный характер. Поэтому многие исследователи образования прежде всего начинают с объяснения его содержания как социокультурного феномена. Здесь можно выделить работы И. П. Андрущенко, В. Н. Бессонова, Т. Н. Буйко, Б. С. Гершунского, Э. Н. Гусинского и Ю. М. Турчаниновой, И. А. Зязюна, Г. Л. Ильина, В. Г. Кременя, С. Б. Крымского, М. Н. Кузьмина, Л. В. Левчук, К. С. Лутая, В. С. Ляховича, Л. А. Микешиной, С. А. Николаенко, Ю. А. Огородникова, А. П. Огурцова, П. П. Пащулина, Н. А. Проворотовой, О. П. Пунченко, В. М. Розина, Н. Р. Сидорова, В. Д. Шадрикова, П. П. Щедровицкого, Н. В. Щиголовой и многих других. В западной философии можно выделить работы Дж. Брунера, М. Вебера, Б. Л. Вульфсона, Г.-Г. Гадамера, Г. Г. Гофмана, Э. Дюркгейма, Г. Е. Зборовского, Г. Зиммеля, Ф. Г. Клумбса, Корнела Попы, Р. Р. Сингха, П. Сорокина, В. Франкла, М. Фуко, М. Шиллера и других.

Процесс перехода от индустриального к постиндустриальному или информационному обществу ставит под вопрос возможность понимания современных форм социальности с позиции социальной теории. Непрерывно изменяющиеся реалии информационного общества не могут рассматриваться с позиций классической теории, рассматривающей общество как некую определенность, доступную рациональному описанию. [9, с. 43]. Как аутентичный способ описания общества выступает критическая теория общества, представленная, прежде всего, в трудах представителей франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), и системная теория общества функционалистского типа (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). Однако с переходом общества к информационной модели развития возникает необходимость создания теории, адекватно описывающей коммуникативный характер информационного общества. Описание современных социальных процессов с позиции традиционных теорий оказывается невозможным хотя бы в силу того, что анализ социальной проблематики предполагает обращение к теории коммуникации.

Изложение основного материала. Особенностью современного социального познания, которая задает новую парадигму, является то, что оно осуществляется через анализ того, какими представлениями косвенно именно познавательное отношение к социальным феноменам, сопровождается глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, изменений в социально-коммуникативной сфере. Социальные явления и процессы предстают не как независимая от человека реальность, а в виде эффекта согласия / несогласия / субъектов, эффекта их взаимовлияния. Коммуникативное поле агентов определяется правилами, когда взаимодействие горизонтов делает сознательные намерения и волевые решения вторичными. Характерной особенностью коммуникативного сознания есть необходимое структурно организованное пространство социального поля. Агент социальных действий не просто исполнитель некоторого типа социальных действий, он еще и автор этих типов действий. Но, однажды создав репрезентанты социальных норм, он оказывается заложником собственного изобретения. Созданные институты начинают вести самостоятельную жизнь, уже влияя на самого агента. Так происходит отчуждение

собственной деятельности от создателя: создается социальный институт, который является материальным воплощением структур сознания агентов, действующих внутри социального поля. Социальная реальность переносится с «физического пространства» в план сознания, т. е. начинает мыслиться как интенциональные взаимосвязи смыслов в сознании субъектов действий с той лишь оговоркой, что эти взаимосвязи не всегда прозрачны для самих агентов [8, с. 29].

Согласно Хабермасу, настоящее коммуникативное действие отличается от всех других тем, что оно выступает механизмом координации планов социальных действий субъектов, достигаемых в описанных еще в аналитической философии Остином и Стросоном перлокуцийных актах [7, с. 87]. Состояние постсовременного общества определяется прежде всего культурой. Прежде всего культура интериоризирует в масштабах социума внешние воздействия, в том числе и экономические, в жизненный мир человека. Именно культура выступает механизмом, опосредствующим внешние воздействия общества на право. Состояние культуры в постиндустриальном обществе именуется малосодержательным термином «постмодерн». Невиданная популярность идей Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, Ж.-Ф. Лиотара, Р. Рорти, И. Хассана, В. Эко и др. заставляет серьезно отнестись к другим претензиям на осмысление постсовременности и в соответствии с полученными выводами определить, как новая картина мира обуславливает онтологию права. «Постмодернизм ... совершает нечто вроде пересмотра оснований науки», - пишет П. Бурдьё. Это не что иное, как продолжение (радикализация) положения постпозитивистской философии об отсутствии абсолютной истины. Теория не обладает монополией на истину, когда критерием научности признается «фальсификационизм» [6, с. 9]. В духе «методологического анархизма» П. Фейерабенда Р. Рорти предлагает вообще отказаться от теории познания (ибо наука не является «зеркалом природы») в пользу «здорового прагматизма» [13, с. 47].

Относительно юриспруденции такая позиция может быть обозначена как радикальный релятивизм. Согласно данной точке зрения концепция права не может быть признана обоснованной, поскольку ни одно описание права не является адекватным. Научный язык не является более «зеркалом природы», а есть такая же часть «инвентаря реальности, как и объекты, изучаемые наукой. Язык, употребляемый в науке, является предметом, предметы реальности, в свою очередь, приобретают черты языковой природы» [13, с. 59]. По сути, такой подход - это разновидность «лингвистического переворота» в науковедении. Достаточно активно эта идея используется в социологической феноменологии, с точки зрения сторонников которой социальную реальность образуют не вещи или события материального мира, а смысл, вкладываемый в эти предметы и события.

Известный русский юрист Н. Н. Алексеев писал : «Все определения права, построены и общей юридической теорией, и философией права, имеют характер некоторой одномерности. На самом деле сведения к одному основному моменту не может не быть неизбежной потребностью и эмпирических, и априорных теорий, ищут определение права... Главное затруднение заключается в том, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться. Не нужно прилагать особых усилий, чтобы доказать, что ни одно из них не точно, что право может быть не только волей, но и нормы, не только интересом, но и свободой и т. д. - словом, право не сводится к одному измерению» [2, с. 71]. Следовательно, необходимо признать правоту «умеренного постмодернизма» в том, что бытие права многомерное, является не статикой, а динамикой (становления) и не может быть сведено к одномерному описанию [1, с. 76]. Не претендуя на окончательность решения поставленных задач (а они, скорее всего, и не имеют «окончательного» решения), по мнению Честнова И. Л., следует уделить внимание диалогической онтологии права, которое, надеемся, позволит наметить возможный подход к их решению [14, с. 54].

Теория диалога имеет два направления. Прежде всего выделяется философская (экзистенциальная) традиция, представленная творчеством М. М. Бахтина и продолжателей его идей сегодня (например, В. С. Библера), а также участников кружка «Патмос», организованного в Берлине в 1919 г., среди которых следует отметить М Бубера и О. Розенштока – Хюсси [12]. Главное внимание здесь уделяется становлению личности, уникального жизненного мира человека, что возможно лишь благодаря встрече с другим. «Всякая настоящая жизнь есть встреча» [5, с. 42], - утверждал М. Бубер . Еще лучше эту же мысль выразил М. М. Бахтин : «Я ... становлюсь самим собой, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Отрыв, отделение, замыкание в себе как основная причина потери самого себя ... Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть - значит общаться » [3, с. с. 311-312]. Таким образом, перед нами два подхода не только к онтологии бытия как такового, но и к онтологии права. В первом (экзистенциальном) случае акцент делается на субъекте, находящемся в правоотношении с другим

субъектом, а во втором - на норме права, институте, системе права. На первый взгляд, это две несовместимые точки зрения. Однако, как представляется, сам принцип диалога, который во многом похож на принцип дополненности, позволяет выявить черты сходства, взаимопроникновение данных подходов. Таким образом, право - это и структура (правила поведения), и ее воспроизведение (что сопровождается как практическими действиями, так и ментальными процессами) в поведении людей. В общем и целом диалог - это противоречие бытия, содержащий в себе одновременно и механизм разрешения этого противоречия. Философия образования включает в себя парадигмы и максимы: гуманизации, социализации, эвристичности, элитарности (с анализом ее критериев) диалога и др. Это мышление о человеке, о его свободе, о «мою», «свою» принадлежность к сообществу, к культуре народа и другой культуры (социальной, национальной, образовательной, художественной и т. д.). В новом понимании парадигмой исследования и праксиологичным средством познания и действия есть диалог. Диалог - это бытие духовной и, в частности, правовой и философской культуры - встречи культур - взаимопонимание и проникновения культур. Диалогизм в усвоении духовной культуры Украины - это всеобщность «углубление исторических форм культуры» внутрь сознания современного человека, преобразование внешнего диалога с бывшими формами культуры в диалог самосознания, в микродиалог духовного обогащения, то есть взаимопроникновение прошлого и настоящего в единое духовное явление. В процессе такого диалога создается одновременность духовных культур народа. Можно предположить, что диалог - всеобщность гуманитарного. [10, с. 204].

Сегодня считается доказанным, что реальность дихотомична (антиномична в онтологическом смысле): она включает противоположные моменты, стороны, находящиеся в состоянии не только различия, но и взаимной обусловленности (благодаря чему поддерживается целостность структуры и одновременно возможность ее видоизменения, реагирования на внешние воздействия). Диалог - это и есть напряжение, обусловленность и взаимопереход антиномий. Это в полной мере касается и права. П. Бергер и Т. Лукман [4], считают, что такой механизм представляет собой последовательно изменяющиеся стадии, в которых и происходит разрешение противоречий социальной (в данном случае - правовой) реальности между материальным и идеальным, сущим и должным, единичным и общим и т. д., а тем самым - воспроизведение правовой реальности. Начальной стадией данного процесса выступает экстернализация, то есть проявление активности человека снаружи. В данном случае имеется в виду юридически значимая экстернализация - осуществление правовых актов - действий. Внешняя правовая активность человека неизбежно опредмечивается в юридических последствиях, которые, «отрываясь» от субъекта - их «автора», приобретают самостоятельную жизнь, т. е. объективируются. Объективация - вторая стадия механизма воспроизводства права. Поведение и ее результат неизбежно соотносятся (как индивидом, так и обществом) с нормой права, функционально предшествующей этому поведению. В большинстве случаев поведение согласуется с нормой права (даже если это правонарушение, в большинстве случаев оно соответствует запретной норме права). Поэтому, как правило, механизм воспроизводства права содержит эти две стадии, которые на другом уровне - уровне ментальных процессов - сопровождаются стадией интериоризации (отражения, воспроизведения, познания и другого внешнего проявления правовой активности человека).

Однако, возможны и более сложные случаи, связанные с творческой активностью человека, когда правовое поведение (в данном случае имеющее социальное значение) и его последствия «не вписываются» в существующую нормативно - институциональную систему. Этот инновационный процесс представляется наиболее важным и интересным, потому что он показывает не механическое воспроизведение права, а его изменение, когда формируются новые нормы. Оценка правового поведения и его результатов, как инновационных, предполагает ответ общества на это нововведение. Часто (особенно в традиционных обществах) такая реакция бывает отрицательной. Но не всегда. Иногда инновация оценивается положительно. Положительная оценка со стороны правящей элиты или референтной до широких масс населения группы - следующая стадия воспроизводства права (уже инновационного), которая называется селекцией. Только конкретно-исторический и социологический анализ может прояснить (хотя не всегда, и никогда - полностью), почему был выбран тот или иной новый правовой институт, особенно в сфере публичного права. Однако принятие закона еще не означает, что он стал правом, т. е. вошел в плоть и кровь правопорядка, жизненного мира простого человека, в правовой культуре данного общества. Для этого нужна легитимация данного нововведения. Механизм легитимации правовой нормы еще сложнее, чем механизм ее селекции, то есть выбора относительно узкой группой чиновников (особенно в условиях мультикультурного общества). Здесь включается и историческое прошлое народа, и сегодняшние

ожидания, и культурное наследие (архетипы коллективного бессознательного), и манипулирование общественным сознанием СМИ, и ситуация в экономике, и политическая конъюнктура и т. д. и т. п. При этом легитимация - это не просто сиюминутное одобрение политического курса какого-то лидера, но внедрение нового правила поведения в коллективные и индивидуальные установки на уровне «языка тела» (практического стереотипа поведения). Этот момент сближает правовую легитимацию с содержанием интернализации (или интериоризации - по Л. С. Выготскому), т. е. с правовой социализацией, которая, как известно, сопровождает каждое действие человека всю его жизнь.

Выводы. Решения конфликта между парадигмами может заключаться в построении более общей глобальной теории, содержащей конфликтующие парадигмы как свои частные случаи. В самом общем случае взаимодействия нескольких парадигм их согласование должно заключаться в согласовании различных исследовательских практик, как теоретических, так и эмпирических, что может быть описано только в рамках концепции коммуникативного действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М: Ad Marginem. 2000. С. 7-110.
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – С.- Пб. : Юридический институт, 1998. – 216 с. (Сер. "Классики русской философии права").
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Художественная литература, 1979. – 412 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. - 323 с.
5. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры - М., Республика 1995. - 464с., С.16-92.
6. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166.
7. Габермас Юрген. Комуникативна дія і дискурс // Першоджерела комуникативної філософії. – К. : Либідь – 1996. – С. 84–91.
8. Зинченко Е. В. "Коммуникативная рациональность" как априори социальных наук (методологический обзор проектов) // Теоретический журнал Credo New № 3, 2003. – С. 23–32.
9. Калайков И. Цивилизация и адаптация / Пер. с болг. А. М. Бредихина, М. А. Бредихина. М.: Прогресс, 1984. - 239 с.
10. Конох М. С. Формування нової філософії освіти в Україні: соціально-філософський аналіз:[Монографія]. - К.: Вища шк., 2001 - 223 с.
11. Пинский А. А. Пайдея (Работы 1986–96 гг.) – М. : Част. шк., 1977. – 363 с.
12. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. – 210 с.
13. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. - 282 с.
14. Честнов, И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И. Л. Честнов. – СПб. : Санкт-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2000. – 103 с.

Крапивник Анна Александровна - кандидат филологических наук, Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

УДК 130.2+141.333

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА.

Работа посвящена философско-антропологическому рассмотрению механизмов манипуляции в пространстве детективного жанра. Показано, что манипуляция сознанием реципиента активно применяется авторами детективных текстов. Анализируются причины возникновения, механизмы и приемы ведения манипулятивной игры в детективных текстах. Способность манипуляции внушать адресату удовлетворение его потребностей в установлении справедливости, верховенства права и моральных ценностей способствует и облегчает

эффективную коммуникацию между манипулирующим и манипулируемыми, потенцирует внушение определенных идеологических и эстетических потребностей.

Ключевые слова: манипуляция, поздний Модерн, детективный жанр, медиакультура, массовое сознание

ФІЛОСОФСЬКО-АНТРОПОЛОГІЧНЕ РОЗУМІННЯ МАНІПУЛЯЦІЇ В ПРОСТОРІ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРУ

Роботу присвячено філософсько-антропологічному розгляду механізмів маніпуляції в просторі детективного жанру. Показано, що маніпуляція свідомістю реципієнта активно застосовується авторами детективних текстів. Проаналізовано причини виникнення, механізми й прийоми ведення маніпулятивної гри в детективних текстах. Здатність маніпуляції до навіювання адресату задоволення його потреб щодо встановлення справедливості, верховенства права й моральних цінностей сприяє й полегшує ефективну комунікацію між маніпулятором і тими, ким маніпулюють, потенціює навіювання певних ідеологічних і естетичних потреб.

Ключові слова: маніпуляція, пізній Модерн, детективний жанр, медіа-культура, масова свідомість

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING OF MANIPULATION IN CRIME FICTION GENRE

The paper discusses philosophical and anthropological aspect of the manipulation mechanisms in the crime fiction genre. It was shown that manipulation with recipient's consciousness is actively used by authors of crime fiction texts. The author analyzes the reasons of appearance, mechanisms and techniques of manipulative game in detective texts. The capability of manipulation to instill and meet the addressee's needs for the rule of justice, law and moral values encourages and facilitates efficient communication between the manipulator and the manipulated, as well as creates the potential for suggesting specific ideological and aesthetic needs.

Key words: manipulation, late Modernity, crime fiction genre, media culture, mass consciousness

За последнее столетие понятие и механизмы действия манипуляции приобрели особую значимость в связи с бурным развитием средств массовой коммуникации в позднемодерной культуре. Стандартизация, коммерциализация и тенденция к уплощению продуктов культурного производства постепенно ведет к усреднению общего духовного, культурного уровня человека общества потребления. Создание некой безликой, аморфной массы индивидов удобно для осуществления манипуляции сознанием людей. Этот процесс облегчается за счет медиакультуры (по терминологии Н. Б. Кирилловой), в частности, массовой литературы, средств (в том числе электронных) коммуникации и массовой информации. Манипуляция сознанием современного человека и общества становится особенно актуальной, поскольку указанная культура характеризует и во многом определяет жизнь индивида в городской среде, общую глобализацию и глокализацию процессов, где первостепенной необходимостью становится поддержание установленного порядка, регламентирование, контролирование и регулирование поведения отдельной личности извне, а также создание условий для ее внутреннего самоконтроля и саморегулирования.

Вопрос феномена манипуляции является междисциплинарным и рассматривается, в частности, такими науками, как психология, философия, социология, политология, культурология, лингвистика и др. Рамки философии культуры и философско-антропологического подхода дают возможность максимально эффективно выявить особенности манифестации манипулирования в детективном жанре (crime fiction), как одном из центральных жанров современной словесной культуры, и его воздействия на сознание современного человека и общества. Процесс моделирования поведения облегчается и тем, что жанр crime fiction является податливым и гибким, способным к разнообразным вариациям, пародированию, комбинированию и т. д. В детективном тексте действуют стереотипизированные персонажи, а реципиент, как правило, ассоциирующий себя с одним из действующих лиц, делает их скорее не личностями, а обобщенными социальными ролями. [1] Такими фигурами легче манипулировать и создавать необходимый настрой и ощущение у адресата.

Актуальность работы основывается на необходимости более полного выявления